

Глава 1

Кингстон-Корт, Ланкашир, 1799 год

— Ричард! Ричард!

Услышав этот свистящий шепот за открытым окном его спальни, лорд Джордж Гордон Ричард Огастес Одли, третий и самый никчемный сын маркиза Кингстона, проснулся, как от толчка.

Калли? Она же должна была вернуться домой из пансиона через неделю! Он нахмурился. И все-таки это она, больше некому. Только два человека на свете звали его Ричардом, и из этих двоих лишь Калли могла карабкаться вверх по толстым стеблям вьющихся растений под его окном.

Ночь была теплой, и Гордон спал в одних подштанниках. Хотя они с Калли были лучшими друзьями с младенческих лет, все же отношения между ними были не такими, чтобы он мог встретить ее полуголым. Гордон вскочил с постели, набросил халат и подпоясался. Он высунулся из окна и посмотрел вниз, откуда доносилось шуршание листьев. При свете полной луны было хорошо видно лицо в форме сердечка и блестящие рыжие волосы. Да, это она. Но какого черта достопочтенная Кэтрин Каллиста Брук среди ночи карабкается по стене в его комнату?

— Калли, ты с ума сошла! — с нежностью воскликнул он. Потом наклонился и протянул ей руку, чтобы помочь подняться и перелезть через подоконник. — Если бы знал, что ты вернулась из панси-

она, я мог бы завтра нанести тебе визит самым что ни на есть цивилизованным способом.

Калли схватилась за его руку и перелезла через подоконник в комнату. Она была одета как мальчишка — вполне разумный выбор, учитывая, что девушка намеревалась взбираться по увитой зеленью стене. Гордон хотел сказать что-то еще, как вдруг заметил блестящие в лунном свете влажные пятна на ее лице. Она плакала? Калли же никогда не плачет! У нее нервы не просто железные, а как из дамасской стали.

— Что случилось? — резко спросил он.

— Все!

По голосу было ясно, что ее переполняли чувства. Она дрожала, и Гордон машинально обнял ее, стараясь успокоить. Калли спрятала лицо на его плече. Наверное, за последние месяцы в школе он вырос, потому что она показалась ниже ростом, чем ему помнилось. Гордон похлопал ее по спине и тихо произнес:

— Кэткин, мы с тобой побывали в стольких передрягах и выбрались из них, что уже умеем решать проблемы.

— Но не проблемы такого рода.

Она глубоко вздохнула и отошла на шаг, однако все равно продолжала держаться за него, будто боялась, что без его поддержки потеряет равновесие. На ее лицо упал лунный свет, и Гордон увидел на левой щеке темную отметину. Он выругался и осторожно потрогал синяк.

— Проклятье! Отец снова бил тебя!

Калли пожала плечами:

— Я привыкла к этому. Ведь он мне постоянно заявляет, будто я самая непослушная, строптивая дочь во всей Англии, настоящее дьявольское отродье. Но сей раз... — Ее голос дрогнул. — Дело обстоит гораздо хуже.

Отец собирается выдать меня замуж за какого-то ужасного старого плантатора из Вест-Индии.

— Боже правый, это еще откуда взялось? — Гордон подвел ее к стулу, достал припрятанную фляжку с бренди, плеснул немного в стакан, добавил воды и протянул стакан Калли. — Откуда какой-то плантатор из Вест-Индии вообще узнал о твоём существовании?

— Он дальний родственник отца. Вдовец. — Калли отпила немного разбавленного бренди и закашлялась. — Он заезжал в Раш-Холл по делам, увидел меня и предложил отдать меня ему в жены, потому что я «так прекрасна».

Последние слова Калли как будто выплюнула.

— Прекрасна?

Гордон задумался. Она была... она была *Калли*. С ее золотисто-рыжими волосами, стройной фигуркой и природной грацией она была довольно хорошенькой. Вероятно, пожилому мужчине достаточно ее волос и живого темперамента, чтобы счесть девушку красавицей.

— Тебе только шестнадцать лет, значит, у вас должна быть долгая помолвка.

Калли покачала головой:

— Ничего подобного! Он хочет жениться немедленно, до того, как вернется в свои края. Он остановился в Раш-Холле. Как только отец сказал, что он может меня забирать, этот тип отправил человека в Лондон за специальным разрешением. Сегодня разрешение поступило. Вечером отец сообщил, что послезавтра я выхожу замуж.

— Он не может насильно выдать тебя замуж за незнакомого мужчину! — воскликнул Гордон, пораженный. — Просто продолжай постоянно твердить «нет». Это будет нелегко, но тебе же не привыкать сопротивляться.

Калли снова стала колотить дрожь.

— Если я не подчинюсь, то отец перенесет свой гнев на моих сестер.

«Черт побери, а ведь она, пожалуй, права!» У нее такие ранимые сестры, и с ее отца станется запугать их или даже причинить им боль, чтобы добиться от Калли подчинения.

Гордон обнял ее за плечи и стал шептать всякие успокаивающие слова, пока она не отстранилась от него и даже сумела улыбнуться.

— Ты разговариваешь со мной, как с одной из своих лошадей.

— Ну, с испуганными кобылами это срабатывает, вот я и подумал, что надо попробовать.

Калли с притворным возмущением закатила глаза, и он улыбнулся.

— Калли, что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Я собираюсь сбежать, и мне нужны деньги. Можешь дать мне взаймы?

Гордон нахмурился:

— Сбежать... куда?

— К тете Беатрис. Она моя крестная, говорила, что я могу приезжать к ней в любое время. У нее я буду в безопасности.

— Но надолго ли? Если твой отец явится и утащит тебя, чтобы выдать замуж, она не сумеет противостоять ему.

— Тогда я сменю имя и скроюсь, уеду в Манчестер или Бирмингем. Найду какую-нибудь работу.

— Пойдешь трудиться на фабрику? — усмехнулся Гордон. — Калли, это не очень хороший план.

— Не на фабрику! — возразила она. — Ты же знаешь, что я хорошо шью. Мне наверняка удастся подыскать работу швеи. Если одолжишь мне фунтов двадцать или тридцать, мне этого хватит, чтобы уехать и продержаться до тех пор, пока я не обоснуюсь там, где отец меня никогда не найдет.

Гордон покусал губу, размышляя о том, сколько
6 всяких неприятностей может произойти с не-

опытной хорошенькой девушкой, даже если она умная, изобретательная и храбрая. И тут его осенила мысль, от которой у него даже захватило дух.

— Калли, у меня есть идея получше. Выходи за меня замуж. Нам нужно не более двух дней, чтобы добраться до Шотландии, и мы достаточно взрослые, чтобы пожениться там без разрешения.

Калли ахнула, округлив карие глаза:

— И ты еще говоришь, что я сошла с ума! Мы слишком молоды, чтобы пожениться, даже если в Шотландии это и разрешено законом. Брак — это же на всю жизнь. Я мечтаю выйти замуж по любви.

— Мои родители поженились по любви, и из этого мало что хорошего получилось, — заметил Гордон. — Я всегда думал, что в том маловероятном случае, если я все-таки женюсь, то на подруге. А разве мы с тобой не лучшие друзья?

Калли нахмурилась:

— Пожалуй, выйти за тебя замуж будет лучше, чем за старого жирного плантатора с потными ладонями.

Гордон усмехнулся:

— Весьма польщен.

— Ты же знаешь, что я ничего такого не имела в виду! Просто брак — это такая... радикальная мера.

— Да, однако когда тебя силой выдают замуж за мужчину, которого ты терпеть не можешь, это ситуация, требующая радикальных мер. — Он пожал плечами. — Если ты когда-нибудь встретишь человека, за которого действительно захочешь выйти замуж, я не стану мешать тебе. В Шотландии легче получить развод, чем в Англии. А до тех пор тебе будет лучше со мной, потому что я не собираюсь принуждать тебя делать что-нибудь, чего ты не желаешь.

— Отлично, — кивнула она. — Если мы поженимся, то оба освободимся от наших отцов и будем друг для друга защитой.

— Тогда решено! — Собственная идея с каждой минутой нравилась Гордону все больше. — Когда мне исполнится двадцать один год, я получу в свое распоряжение половину денег, которые мне оставил крестный. Этого нам хватит, чтобы жить с комфортом. А до тех пор мы проживем жизнью обычных людей, узнаем, каково это. Найдем работу у какого-нибудь почтенного сельского сквайра. Ты можешь стать горничной хозяйки, а я буду ухаживать за лошадьми.

Калли расплылась в улыбке:

— Ты прав, это будет настоящее приключение! И это гораздо лучше, чем выйти замуж за ужасного незнакомого мужчину. Мы добьемся, чтобы у нас все получилось. У нас всегда получается. И больше никакие взрослые не смогут нам говорить, будто мы своевольные и невоспитанные!

— Буйные и пропадем!

Гордон в радостном возбуждении подхватил Калли на руки и поцеловал. Он начал целовать ее как друг, а закончил как... влюбленный. В его объятиях она была такой теплой, сладкой, сильной, и Гордон впервые за все время подумал о ней как о девочке. Нет, не о девочке, а о девушке, о молодой женщине, созревшей для брака.

Калли тоже отреагировала на поцелуй, она прильнула к нему, ее губы приоткрылись. Гордона бросило в жар. Ему доводилось ухаживать за девушками, и он уже несколько раз целовался, однако сейчас это было нечто иное. Калли станет его женой, и они будут близки физически и эмоционально больше, чем он когда-либо представлял. Эта перспектива одновременно и тревожила Гордона, и вдохновляла.

Калли отстранилась, ее глаза сияли.

— Вот это приключение! — выдохнула она. — Чем скорее мы начнем, тем лучше.

Через четверть часа они уже собирались в дорогу.

8 Гордон умел экономить и откладывать деньги, и

ему удалось скопить почти сто фунтов — небольшое состояние. И вот сейчас он спрятал эти деньги внутрь поясного ремня и оделся в дорожное платье. Для Калли у него нашелся бесформенный плащ, из которого сам Гордон давно вырос, и он дал ей шляпу, под которой она спрятала волосы. Оценив результат, Гордон довольно произнес:

— Тебя можно принять за моего младшего брата, если не присматриваться.

— Тем лучше, так им будет труднее выследить нас. — Калли нашла легкое одеяло, свернула его и сунула в парусиновый мешок, чтобы оно поместилось в седельную сумку.

— Каким путем поедем?

— Отсюда есть только одна более или менее приличная дорога на Шотландию, но как только выберемся из Ланкастера, можно будет свернуть на восток, на менее оживленные пути. Получится медленнее, зато меньше шансов, что нас найдут.

— Думаешь, за нами будет погоня? — Калли перекинула парусиновый мешок через плечо. — Может, если они узнают, что мы сбежали вместе, то вздохнут с облегчением, что избавились от нас обоих?

Гордон покачал головой:

— Мой отец точно не будет по мне скучать, я лишь его третий сын и к тому же ему не нравлюсь. Но твой отец не отмахнется от твоего исчезновения, он же рассчитывает выдать тебя замуж с выгодой для себя. Однако они не сразу обнаружат, что мы удрали, так что, если будем ехать быстро, то доберемся до Шотландии раньше, чем они нас догонят.

Они тихо покинули спальню Гордона. У него мелькнула мысль: увидит ли он когда-нибудь эту комнату снова? Вероятно, отец Калли и не захочет отпускать ее, но его родитель будет рад, если сын исчезнет.

Из дома они вышли через кухню, прихватив сыр и хлеб, чтобы взять с собой в дорогу. За-

падный ветер доносил слабый сернистый запах дыма от тлеющего не так далеко угольного пласта, вот уж по чему Гордон точно скучать не будет. В конюшне он оседлал двух самых выносливых лошадей, и они двинулись в путь. Несколько часов они мчались по дорогам, залитым лунным светом, но перед рассветом ветер с Ирландского моря принес дождь. Калли ни за что бы в этом не призналась, однако она падала от усталости. Заметив это, Гордон предложил:

— Давай остановимся на несколько часов вон в том сарае? Нам надо отдохнуть, да и лошадям нужна передышка. К тому же из-за дождя дорогу плохо видно.

Калли молча свернула на проселочную дорогу, ведущую к низкому строению. Поблизости не было фермерских домов, и они могли провести здесь несколько часов без риска быть обнаруженными.

Войдя в сарай, они сначала позаботились о лошадях, а потом забрались в груды сена и свернулись калачиком вплотную друг к другу — ночь была холодной. Калли подоткнула одеяло и прошептала:

— Спасибо, что спасаешь меня, мы хорошо поладим вместе.

Он поцеловал ее в макушку, испытывая совершенно новые для себя чувства — нежность и стремление защитить Калли.

— Обязательно. Спи спокойно.

Гордон знал, что все сочтут их побег возмутительным, но они оба привыкли к тому, что раздражают окружающих. И в этом у них было много общего. Он задремал с улыбкой на губах.

— Они здесь! — раздался чей-то голос, и дверь сарая распахнулась настежь.

В сарай хлынул солнечный свет. Гордон стал спешно выбираться из-под одеяла из кучи сена. Что это катастрофа, он понял еще до того, как в дверном

проеме возникла фигура отца Калли, лорда Стэнфилда. А за ним стоял отец Гордона, лорд Кингстон! И два конюха Стэнфилда.

— Лорд Джордж Одли, паршивый ублюдок, вы обесчестили мою дочь!

Стэнфилд держал в правой руке кнут. Замахнувшись, он со злостью хлестнул им Гордона. От удара тот потерял равновесие, и конюхи схватили его за руки. Стэнфилд шагнул ближе и принялся молотить Гордона своими огромными кулачищами. В Уэстерфилдской академии Гордон освоил кое-какие приемы кулачного боя, но он не мог освободиться из рук конюхов.

Калли завизжала. Пытаясь оттащить отца, она закричала:

— Прекрати! Прекрати! Ты убьешь его!

— Вот и хорошо! — Ее отец ударил Гордона в пах коленом.

Тот согнулся пополам, от боли у него потемнело в глазах. Калли упала на колени и заслонила Гордона собственным телом.

— Он меня не обесчестил! Он помогал мне избежать этого ужасного замужества, к которому ты меня принуждаешь!

Стэнфилд схватил Калли за руку выше локтя и силой поднял.

— Ты по-прежнему девственница?

— Учитывая, какой путь они проделали за ночь, ни на что другое у них не оставалось времени, — медленно произнес отец Гордона. — Не уверен, что он вообще способен на что-либо еще. Я даже подумывал, не муже-ложец ли он. Не скажешь, что он мой сын. Он слишком смазливый. Отношения с его матерью — моя самая большая ошибка.

Это оскорбление привело Гордона в чувство, и он попытался подняться.

— Заткни свою грязную пасть!

Стэнфилд пнул Гордона так, что он свалился в сено, затем снова ударил.

— Кингстон, вы не против, если я изобью его до смерти?

— Можете убить, если хотите. У меня есть сыновья получше. — Он развернулся и двинулся прочь из сарая.

Стэнфилд занес ногу для нового удара, но Калли бросилась на него и навалилась всем телом.

— Остановись! Я не позволю тебе убить его, тебе придется убить нас обоих! — Ее отец поколебался, и, видя это, Калли торопливо добавила: — Если прекратишь избивать его, я обещаю выйти замуж за твоего ужасного друга и вести себя как добропорядочная покорная жена. Я девственница, он даже не узнает обо всем этом. Но ты должен обещать, что не станешь больше причинять боль Гордону!

Лорд Стэнфилд помедлил, хмурясь, а затем произнес:

— Хоть ты и необузданная, но лгуньей никогда не была. — Он прищурился. — Обещаешь быть хорошей послушной дочерью и вступить в этот брак?

— Даю слово, — с горечью проговорила Калли. — Но как тебе удалось так быстро выяснить, что мы сбежали?

— У одной из твоих сестер чувство долга посильнее, чем у тебя, — ответил отец. — Она видела, как ты тайком уходила из дома, и догадалась, куда ты направилась. Она разбудила меня, я поспешил в Кингстон-Корт. Лорд Кингстон обнаружил, что вы оба исчезли, тогда мы отправились в погоню. Ты удовлетворена?

Калли сжала губы.

— Догадываюсь, какая из сестер это сделала. Чтоб ей сгореть в аду!

Отец встряхнул ее:

— Не забывай о своем обещании. Будешь вести себя хорошо, и я больше не притронусь к твоему паршивому другу.

Калли рывком высвободилась из его рук.

— И слугам своим прикажи, чтобы они его не трогали!

Лорд Стэнфилд нахмурился, однако кивнул:

— Советую тебе быть покорной! — Он подал знак одному из конюхов. — Выведи ее наружу!

Калли грубо выпроводили из сарая. Стэнфилд подбоченившись навис над окровавленным Гордоном.

— Жаль, лорд Джордж, что мне не удалось закончить это дело, но я получу хорошие деньги, выдав ее замуж. — Его губы скривились в злобной ухмылке. — Я тебя не убью, однако помани мое слово, ты еще пожалеешь, что я этого не совершил!

Глава 2

Лондон, лето 1814 года

Гордону было скучно. С тех пор, как кто-нибудь пытался его убить, прошло уже несколько месяцев. К счастью, этот скучный унылый период безопасности должен был скоро завершиться. Его вызывал к себе лорд Киркланд, а тот был прекрасным источником поручений, для которых требовались разнообразные таланты и сомнительного свойства навыки Гордона.

То обстоятельство, что они с Киркландом стали своего рода друзьями, забавляло Гордона. Они были знакомы еще со школьных лет, когда учились в Уэстерфилдской академии, небольшом элитном заведении для мальчиков «хорошего происхождения и дурного поведения». Гордон ненавидел все школы, в какие его отправлял отец. Академия Уэстерфилд была последней. Учиться-то ему нравилось, но он быстро схватывал новый материал и просто физически был не способен усидеть на месте.

В детстве Гордон и его братья обучались дома, и занимавшийся с ними молодой помощник vicария позволял самому непоседливому ученику бродить вокруг, пока другие силились освоить латынь, математику или географию. Маркиз этого не понимал. Поэтому, когда Гордон достиг возраста, чтобы его можно было отправить в пансион, его поместили в одну из самых строгих академий во всей Британии, чтобы тамошние наставники заставили его вести себя должным образом и приучили сидеть смирно. Но несмотря на старания школы битьем приучить к подчинению, Гордон стал даже еще более трудным подростком. И в конце учебного года его попросили не возвращаться.

То же самое повторилось в следующей школе. И в следующей. И Гордон даже гордился этим фактом. Когда попал в Уэстерфилд, он стал таким мятежным и рассерженным, что даже спокойная и заботливая леди Агнес Уэстерфилд, основательница школы, была не в состоянии повлиять на него. Он ненавидел школу, одноклассников и отвергал любые попытки завязать с ним дружеские отношения. Гордон пропускал уроки при любой возможности, а если появлялся, то держался с демонстративно скучающим и незаинтересованным видом. А чтобы позлить преподавателей да еще ради собственного развлечения, все экзамены сдавал блестяще.

Особенно сильно Гордон ненавидел Киркланда. Тот обладал острым умом и поразительным хладнокровием, что действовало Гордону на нервы. Он чувствовал неодобрение всякий раз, когда этот парень смотрел в его сторону.

Окончательно ненависть сформировалась во время одного из занятий каларипаятту. Этот древний вид единоборства ввел в их школе молодой герцог Эштон, наполовину индеец, и с тех пор его изучение стало школьной традицией. Гордону нравилось драться, это помогало ему дать выход мощной энергии.

Несмотря на его общую озлобленность из-за вынужденного пребывания в плену стен школы, он редко по-настоящему гневался. Но однажды во время урока борьбы ему достался в противники остролов, который так его возмущал, что Гордон не совладал с собой. В приступе ярости он мог бы убить его, не вмешайся Киркланд. Тот рывком выдернул Гордона из поединка, повалил на землю и пришил к полу коленом.

— Держи себя в руках! — велел он с угрозой.

Позднее Гордон был ему благодарен за то, что он не позволил ему совершить убийство. Однако публичное унижение заставило его возненавидеть Киркланда еще сильнее.

Однако же сейчас Гордон поднимался по лестнице красивого дома Киркланда на Беркели-сквер и насвистывал. Впрочем, перед тем, как взяться за дверной молоток, свистеть перестал. Если он явится слишком радостным, это не пойдет на пользу его репутации. Дверь ему открыл Соумс, дворецкий.

— Капитан Гордон, его светлость ожидает вас. Он велел проводить вас к нему без промедления. Он в музыкальной комнате.

Соумс указал в сторону лестницы. Гордон отдал дворецкому шляпу.

— Меня можно не провожать, — сказал он.

Поднимаясь по лестнице, он слышал звуки фортепиано, вероятно, это играет леди Киркланд. Говорили, что она превосходный музыкант.

Дверь в музыкальную комнату была закрыта. Гордон тихо отворил ее, и волна звуков буквально накрыла его. Он не особенно разбирался в музыке, однако мог распознать подлинное мастерство. Гордон немного постоял молча, упиваясь трепещущей мелодией. Неудивительно, что юных леди обучают играть на музыкальных инструментах. Хотя мало кто из них играет так хорошо.